

РОССИЙСКИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

РОДИНА

02 | 2009

WWW.
ISTRODINA.
COM

Эпоха
«дворцовых
переворотов»
XVIII век

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

ISSN 0235-7089
9 770235 708002

Николай КОМОЛОВ,
кандидат исторических наук

МЕСТО ССЫЛКИ — «ОРАНЖЕВЫЙ ГОРОД»

Железнодорожное путешествие из Воронежа в Москву проходит мимо станции Раненбург. Выйдя здесь, вы очутитесь в симпатичном городке Чаплыгин. В 2006 году на референдуме местные жители не захотели вернуть исконное название своему городу, с которым в далёком XVIII столетии оказались напрямую связаны судьбы примечательнейших фигур отечественной истории. Увы, многие блестящие российские вельможи «просвещённого» века нашли своё последнее пристанище в студёных местах ссылки, на севере или востоке империи. Но некоторые персоны оказались временно заточены практически в центре России — в некогда глухом местечке, которое по воле Петра и стараниям его любимого фаворита Алексашки

Меншикова обзавелось провинциальным замком голландского типа, ставшим затем тюрьмой.

Название этой крепости через депеши иностранных дипломатов долетело до уст их начальства и царственных особ. Ещё бы, ведь в каком-то там Раненбурге началась ссыльная эпопея светлейшего князя, здесь томилось в неопределённом ожидании своей судьбы семейство генералиссимуса Антона Ульриха. Но сначала окунёмся в предысторию этого местечка.

На основном тракте между Москвой и Воронежем, где активно строился военно-морской флот, лежало село Слободское. На заре нового века, в 1702 году, Пётр подарил его Меншикову. В новой вотчине князь устроил «мызу» — дачу.

В феврале 1703-го по пути в Воронеж сюда с весёлой разношёрстной компанией, среди которой были члены «всешутейшего и всепьянейшего собора», приехал сам царь¹. Участник поездки, голландский путешественник и художник К. де Бруин, оставил нам первое описание жилища князя: это «громоздкое прекрасное строение, похожее на увеселительный дом, с красивым кабинетом (покоем) наверху, в виде фонаря, покрытого отдельною кровлею, раскрашеною очень красиво всеми возможными цветами». Комфорт владельца обеспечивало «множество отличных и удобных комнат, довольно высоко расположенных над землёю»², а именно: на верхнем этаже 46 покоев, на нижнем — 14. Войти в дом можно было только через ворота крепости. К этому следует добавить, что на парадных воротах, которые венчал деревянный шпиль, впоследствии находились часы с семью колоколами, здание же было покрыто красной и чёрной черепицей, выложенной в шахматном порядке³.

Сам хозяин особняка находился в это время в Шлиссельбурге и пропустил много интересного. Меншикову осталось довольствоваться письмом от «Питирима протодиакона» (он же царь Пётр), который проинформировал «мейн герца» о том, что при «посвящении сего града» состоялась попойка, во время которой он придумал ему название — Ораниенбург («Оранжевый город»). В обильных возлияниях участвовали прусский и польский посланники. Возможно, первый — Г. Кейзерлинг — и надоумил царя дать городу такое название, ведь на его родине, недалеко от Берлина, имелся подобный город, который Пётр, между прочим, проезжал во время Великого посольства и куда он заехал по пути в Карлсбад в 1712 году.

Кстати, к письму был приложен набросанный собственноручно Петром чертёж крепости. На нём все бастионы получили шуточные названия в соответствии с пятью органами чувств: «обоняние», «вкушение», «осезание», «видение», «слышание». По этому плану у села Слободского и построили небольшую пяти-

Князь А. Д. Меншиков.
С гравюры Шхонебека.

угольную фортецию, окружённую земляным валом и рвом с водой (остатки рва сохранились до сих пор). Ораниенбург не являлся важным фортификационным сооружением и, будучи в тылу, не имел оборонительного значения, поэтому его не включили в штат крепостей.

Вряд ли Данилыч видел тогда эти крепостные стены границами своего жизненного пространства почти четверть века спустя. Но пока, неоднократно приезжая в Воронеж, где он также имел двухэтажные «хоромы» с элементами европейской архитектуры⁴, Меншиков, безусловно, наведывался и в Ораниенбург. Последний раз он был здесь в 1720 году. Длиннющий титул светлейшего князя содержал и такую строку: «наследный господин Аринбургский и Батуринский».

Поскольку же для русского уха название «Ораниенбург» звучало непривычно, его искажали на разные лады (к примеру, Аринбург, Ранибург, Роненбург), в результате чего в итоге, где-то к середине века, и закрепился обрусевший вариант — Раненбург.

Административно город проделал следующие пируэты. Сначала он недолго числился в Московской губернии, затем прочно «прописался» в Азовской, переименованной в 1725 году в Воронежскую. Начиная с губернской реформы Екатерины II и до середины XX века Раненбург оставался в Рязанской губернии и области, наконец уже при Хрущёве оказался в Липецкой области, получив чуть ранее, в 1948 году, в период борьбы с космополитизмом, уже новое название — Чаплыгин, в честь академика, местного уроженца.

Менялся и статус Раненбурга. После конфискации у Меншикова его вотчина перешла к государству, позже попала в ведомство Военной коллегии (1731), а от неё — к Канцелярии от артиллерии и фортификации. Однако, исходя из того, что в штат Раненбург положен не был и содержать его, по мнению Канцелярии, из-за безопасности местоположения⁵ не надлежало, в 1732 году он перестал считаться крепостью и стал селом Елецкой провинции Воронежской губернии. Годом позже его приписали к Конюшенному ведомству «для лошадиных заводов». В 1779-м село было преобразовано в уездный город Рязанского наместничества. Любопытно, что утверждённый в следующем году генеральный план Раненбурга увековечил форму пятиугольной крепости.

Итак, прежде чем стать тихим провинциальным городком, «оранжевый город» заключил в свои каменные объ-

ятия череду высокопоставленных (и не очень) господ. И первым узником в Раненбурге стал вовсе не легендарный пирожник, а пленный шведский генерал-фельдмаршал граф Карл Реншильд. После Полтавской битвы его направили в Раненбург в сообществе с пятью генерал-майорами и 20 офицерами рангом от полковника и ниже. Выбор квартир, содержание пленников определял «властитель» (по словам Исаака Ньютона) крепости — генерал-фельдмаршал Меншиков. Пленники получили право свободно выезжать из крепости «для своей забавы» в пределах одной мили, а сверх этого — уже под караулом. Кстати, в Раненбург планировалось отправить и всех пленных служителей королевского двора, но в последний момент уже принятое решение изменили в пользу Воронежа. Осенью 1709-го шведы были высланы в Серпухов для участия в триумфальном шествии во время въезда в Москву. В 1712 году из Москвы в Раненбург отправили 30 пленников, среди них — четырёх полковников⁶.

Жизнь в Раненбургской вотчине, управляемой приказчиком, текла размеренно, не лучше и не хуже, чем в других, пока наконец не грянул гром — крупное в истории петровской России дело об утайке крепостных. Инициировал его ревизор Азовской губернии, будущий генерал-фискал Алексей Мякинин — честный служака, пользовавшийся большим доверием Петра. В 1722 году в ходе ревизии Мякинин обнаружил, что Меншиков скрыл население своей вотчины и тем самым уклонился от уплаты налогов на протяжении всей Северной войны. В присланном в Сенат заключении ревизор обвинил князя в утайке 2715 душ и наложил на него внушительный штраф в 27 486 рублей. Мякинин также установил, что гарнизон Раненбурга (218 человек) не был учтён в армейских штатах.

Вскоре энергичный генерал-фискал выявил в Тамбовском уезде ещё 2438 душ беглых дворцовых крестьян и однодворцев, записанных крепостными светлейшего. Штраф вырос до 34 500 целковых. Конечно, силы в этой схватке были неравны. Всесильный князь добился закрытия следствия и, мстя своему обличителю, привлёк его к суду⁷. С лицемерным великодушием генералиссимус «простил» бывшего генерал-фискала, но в Военной коллегии всё же состоялся генеральный «кригсрехт» (военный суд). Мякинину вынесли смертный приговор через аркебузирование, который заменили сибирской ссылкой. Удар рока оказался беспощаден, и Мякинин был

отправлен туда... после своего недруга. Жизнь свою бывший ревизор закончил на посту начальника Воронежской губернии — в регионе, где когда-то пал жертвой своих громких разоблачений⁸.

Но всё же Мякинин мог торжествовать: более могущественные интриганы побороли «прегордого Голиафа». В 1727 году Меншиков был свергнут с политического олимпа. Та же жестокая ирония судьбы сделала владельца собственной крепости в Центральном Черноземье её первым политическим узником. Указом от 9 сентября светлейший лишился всех чинов, орденов и был выслан в Раненбург для жития там «безвыходно». На Воронежскую губернию, к которой территориально относилась крепость, возлагалось обеспечение всего охранного контингента продовольствием, дополнительными гарнизонными солдатами.

Главным конвоиром опального вращеника стал капитан гвардии Преображенского полка Степан Пырский. Из Петербурга Данилыч выехал с семьёй (жена, её сестра, сын, две дочери), огромным обозом, 148 слугами и конвойным сопровождением в 79 человек. Конечно, князь ещё не ведал своего мрачного финала и рассчитывал по крайней мере закончить в чернозёмной вотчине свои земные дни, поэтому собирался тщательно устроиться в запустевшем за семь лет без хозяина доме.

3 ноября процессия въехала в Раненбург. Там уже находилась неполная рота отставников лейб-гвардии, присланная из Москвы, в основном старые и больные солдаты. Из Воронежского гарнизона было приказано взять 50 человек, в то время как собственных воинов Меншикова в Раненбурге разослали по другим крепостям.

Итак, светлейший оказался у себя дома, но без права покидать крепость. Незначительную лазейку на снисхождение давало отсутствие там церкви. И Меншиков не преминул этим воспользоваться. Задобрённый подарками Пырский предлагал отпускать ссыльных под усиленной охраной в городскую слободу, где был храм. Верховный тайный совет, разумеется, не пошёл на поблажку и распорядился поставить в палатах ссыльного полотняную церковь, взяв культовые принадлежности у воронежского архиерея. Но такой церкви в Раненбурге не оказалось, и походный храм прислали из Москвы из дома Меншикова.

Город на ночь запирали, отпирали же по пробитии зари. Днём жену и детей Данилыча разрешалось выпускать и за его пределы, но под «крепким прищотом». Рапорты офицеров караула

скрупулёзно зафиксировали выходы молодого князя Меншикова и его сестёр в сопровождении офицеров. Беспрепятственно выпускались и их служители. Всех осматривали в поисках писем и запрещённых вещей.

В марте 1728 года на карауле в крепости и за городом ежедневно находилось около 50 офицеров и рядовых драгун Воронежского кавалерийского полка, солдат гвардии Московского батальона и Воронежского гарнизона, тогда как вначале ссыльных стерегли 66 человек. Караульные стояли в церкви, у проезжих ворот и на башне, на бойверках, «у смотрения огня», в палисадах у пороховой казны, «на вестях», у колодников, лекаря, «у надсмотра варения пива»⁹.

Меншиков был хорошо изолирован в Раненбурге, но купленные богатыми и частыми подарками послабления со стороны Пырского позволяли вести переписку, получать из вотчин деньги. Ситуация изменилась к худшему, когда в Верховном тайном совете узнали о злоупотреблениях начальника караула (его позже отдали под суд, правда, через год штраф сняли). Его заменил капитан гвардии Пётр Мельгунов. Но для Меншикова более чувствительным оказался приезд особого высокопоставленного следователя — президента Доимочной канцелярии Ивана Плещеева. Его миссия была вполне выполнима: всю корреспонденцию и имущество князя опечатать, чтобы затем вывезти в Москву, а Меншикова «обстоятельно» допросить.

Декабрьским указом 1727 года все имения светлейшего за «важные вины» были отписаны на государя, только Раненбург оставлен «на пропитание»¹⁰. После приезда Мельгунова и Плещеева режим заточения стал жёстче, а вместо времяпрепровождения в кругу семьи высокий узник вынужден был больше делить общество со следователем, отвечая на обвинения в государственной измене, хищениях и казнокрадстве. Сфабриковать «правильное» юридическое дело не удалось, подмётное письмо отправил Меншиков 16 апреля 1728 года из Раненбурга в Берёзово.

«Оранжевый город» недолго пустовал. Спустя два года в его стенах довелось оказаться одному из представителей враждебного предыдущему арестанту влиятельнейшего клана Долгоруких — князю Сергею Григорьевичу. Правда, скучать по близким бывшему польскому посланнику не пришлось. Вместе с князем унылые и однообразные ссылочные дни коротала и его многочисленная семья, включавшая жену Марфу Петровну,

дочь вице-канцлера барона Шафирова, семерых детей (в Раненбурге родились ещё двое), а также мать. Свою перспективную дипломатическую карьеру князь Сергей испрогал активным участием в известной аванюре, написав со слов В. Л. и А. Г. Долгоруких фальшивое завещание Петра II о передаче престола от имени императора его обручённой невесте княжне Екатерине Долгорукой. Но об этом стало известно позже.

А пока последовал грозный манифест с констатацией преступлений и назначением сравнительно мягких наказаний для заговорщиков. Князь Сергей с семейством был выслан в дальнюю деревню, но только он успел доехать до муромского села, как был арестован и конвоирован в Раненбург.

12 июня 1730 года вышел именной указ о ссылке Долгоруких. Князю Сергею «повезло» больше других братьев: место его заключения с точки зрения географии и климата выглядело привлекательнее Берёзова, Соловков и Пустоозера. Тем более, что к сыну вскоре присоединилась и мать, княгиня М. И. Долгорукая (урождённая Голицына), она же старица Московского Страстного монастыря Маргарита, которая предпочла Раненбург Берёзову. К слову, в сотне вёрст от них через три года обосновался отставной прапорщик, шут Иван Балакирев, которому пожаловали из отписных имений Долгоруких в Касимовском уезде два села и деревню, а также дом в Касимове в вечное и потомственное владение.

28 июня подпоручик лейб-гвардии Петр Румянцев привёз опальное семейство в Раненбург и сдал все капитану Воронежского гарнизона Мясному. Из единственной оставленной Сергею Долгорукому волости узникам в Раненбург доставлялись продукты и немного денег (за 2 года — 1195 рублей). Из заточения князь дважды подавал челобитные об облегчении своей участи, но безрезультатно.

Правда, либеральность одарённого пристава несколько смягчала тяжесть заточения. Начальник караула, как и в своё время Пырский, получая от знатного ссыльного подарки (шпагу с серебряным эфесом, ткани) и деньги, закрывал глаза на инструкцию. В результате из-под пера князя Сергея и его супруги выходили не только дозволенные письма с просьбой прислать «вялой рыбы» или «круп грешневых», но и прошения Анне Иоанновне, обширная семейная переписка. Капитан Мясной позволял себе на десятки вёрст и на несколько дней уезжать из Раненбурга.

Княгиня Марфа Петровна Долгорукая заваливала своих сестёр письмами с различными просьбами. Осенью 1730-го князь Сергей заболел туберкулёзом. Он умолял Сенат прислать к нему доктора, но, разумеется, просьба была проигнорирована. Княгиня Марфа через сестёр пыталась добиться присылки лекаря и помощи их прежнего лечащего врача, знаменитого Бидлоо, чтобы «дохтур Будль пожаловал... красных порошков и проносных лекарств». Медицинское светило не бросило своего опального пациента, помогло и советами и снабжениями. Наконец нашли одного медика, специалиста по пиявкам, согласившегося ехать к ссыльным. Но, к несчастью, он по дороге в Раненбург сам заболел. Последней надеждой стал большой знаток кровопускания, крепостной цирюльник княгини А. П. Гагариной, отправившийся в Раненбург.

Долгорукий страдал от чахотки, порой балансируя на грани смерти, до начала 1734 года. Впрочем, болели и уставшая от ухода за мужем супруга, и, разумеется, дети. Но не только недуги заполняли свободное время ссыльных. Время они проводили также за чтением присланных родней Четых миней (книги им при себе иметь запрещалось), а для князя Сергея доставили даже русский перевод «Деяний церковных и гражданских» Ц. Барония.

Светлые мгновения доставляли подарки. Сёстры княгини Марфы отправляли в Раненбург к дням рождения и именинам опальных разные гостинцы в виде предметов одежды и кухонной утвари. Они на свои средства одевали семейство Долгорукого, пересылали иконы, отремонтированную посуду, экзотических птиц — египетских голубей, голландских кур, белых китайских гусей и др. Пернатые служили арестантам неплохим развлечением¹¹.

В 1733 году режим ужесточился. Поводом стали бесчинства прислуги Долгоруких. Люди выходили из крепости в город для покупки еды и «для нужд» с караульными солдатами. Однако с молчаливого согласия князя они разгуливали «не смиренно», а наносили местным жителям «кобиды» и вступали с ними в драки. Мясной не решился покарать бунтов без сенатского указа, а напрасно. Ему попеняли на бездействие и потребовали сурово наказать виновных по своему усмотрению, а в случае повторения «продерзостей» ужесточить условия заключения. До получения указа не разрешалось выпускать служителей из крепости, закупать продукты должны были караульные.

Сенат приказал жёстко следить за входящей и исходящей корреспонденцией Долгоруких, а также за их посетителями. Письма в Москву с просьбами о присылке лекарств следовало писать в присутствии капитана. Он должен был их читать и отправлять не с людьми князя, а с посторонними ездоками или по почте. Долгорукие восприняли это правило с негодованием. После того как Мясной отказался посылать такие письма с одним конюхом, что практиковалось ранее, княгиня обещала жаловаться своему отцу в Петербург, а Сергей Григорьевич угрожал писать в Сенат с обвинениями капитана «во всяких пакостях и блуднях». Тот же конюх сыграл не последнюю роль и в дальнейших событиях. Его, несмотря на уговоры и давление на Мясного, не допустили к княгине. В отместку служителю при отправке из крепости было приказано, чтобы тот в Москве сообщил княгине Гагариной, что капитан хочет князя умирить, поскольку не посылает за лекарствами¹². Тайная канцелярия провела расследование этих беспорядков.

Княжеская семья прожила в Раненбурге безвыездно пять лет. В 1735 году Долгорукому благодаря заступничеству его тестя Шафинова разрешили жить в одной из своих деревень. Потом князя Сергея ожидало помилование и назначение послом в Лондон. Но Туманного Альбиона увидеть ему так и не удалось. Смерть Шафинова и возобновление дела Ивана Долгорукого ускорили трагическую развязку для бывшего раненбургского ссыльного и его родичей. Последовали арест, Шлиссельбург и казнь 8 ноября 1739 года...

На целых девять лет Раненбург смог «отдохнуть» от вельможных арестантов, чтобы под занавес самого мрачного периода в своей истории принять в своих стенах пятого российского императора и его родителей. Это событие сделало крепость знаменитой на всю Европу. Конечно, трагическая развязка драмы Ивана Антоновича произошла позже и в другом месте, но Раненбург стал звеном в цепи перемещения Брауншвейгского семейства от фавора и власти к забвению и гибели.

Елизавета Петровна, получившая немало как внутренних, так и внешних (например, от прусского короля Фридриха Великого) советов по изоляции Брауншвейгской фамилии «в такие места, чтоб никто не мог узнать, куда она девалась», перевела её из расположенной близ Риги крепости Дюнамюнде подальше, в центр России — в Раненбург. Именно неопределённость позиции императри-

цы, пока точно не знавшей, что с ними делать, и двукратная проверка Раненбурга как временного места заключения и обусловили этот выбор.

Основными фигурами процесса переезда и размещения семейства в «коранжевом городе» стали генерал В. Ф. Салтыков и капитан-поручик Семёновского полка Максим Вымдонский. Последний остался в истории благодаря хрестоматийному анекдоту: в рапортах гвардейца его малограмотный писарь постоянно писал название «Оренбурх». Поэтому Кабинет министров на всякий случай, дабы офицер сопровождения не перепутал названия, особым указом уточнил: «Ежели вы разумеете Оренбург тот, что на Яике... в том ошибаетесь, ибо сей, до которого вы отправлены, Ораниенбурх, отстоящий от Скопина в 60 или 70-ти верстах». Но капитан в этом и не сомневался.

31 января 1744 года Салтыков и санный поезд в 300 подвод выехал с семейством в Раненбург. Переезд обошёлся в 2525 рублей 64 копейки. У матери насильно отобрали сына. Родителям категорически запрещалось с ним видаться.

Любопытство Елизаветы Петровны, желавшей знать все детали поведения узников, сослужило хорошую службу историкам. Например, императрицу интересовало, как отнеслись арестанты к их отдельной рассадке, были они «печальны ли или сердиты, или довольны». Последнее неуместное предположение не подтвердилось: члены семейства около 15 минут «много плакали», но смирились с высочайшей волей и сердитыми не выглядели.

Стояла стужа. Пелёнки новорождённой принцессы Елизаветы, которой недавно разрешилась Анна Леопольдовна, замерзали, и кормилица, отморожив себе спину, спасла младенца от смерти. Понятно, что мать, ехавшая отдельно, была необыкновенно расстроена этим происшествием.

Дорога заняла больше месяца. Наконец 6 марта Салтыков с командой благополучно прибыл в Раненбург. Строго следуя указу, он тут же поместил маленького Ивана с сиделкой и карлицей в палатах у Козловских ворот, а родителей с дочерьми и всей свитой — в палатах у ворот Московских. В «обеих квартирах задние стены» наглухо заделали, поскольку они выходили на вал. Помимо караульных, круглосуточно находящихся при ссыльных в доме, двое часовых стояли в сенях, и ещё девять — вне помещений: по трое — на валу, за палатами Ивана Антоновича и родителей, по

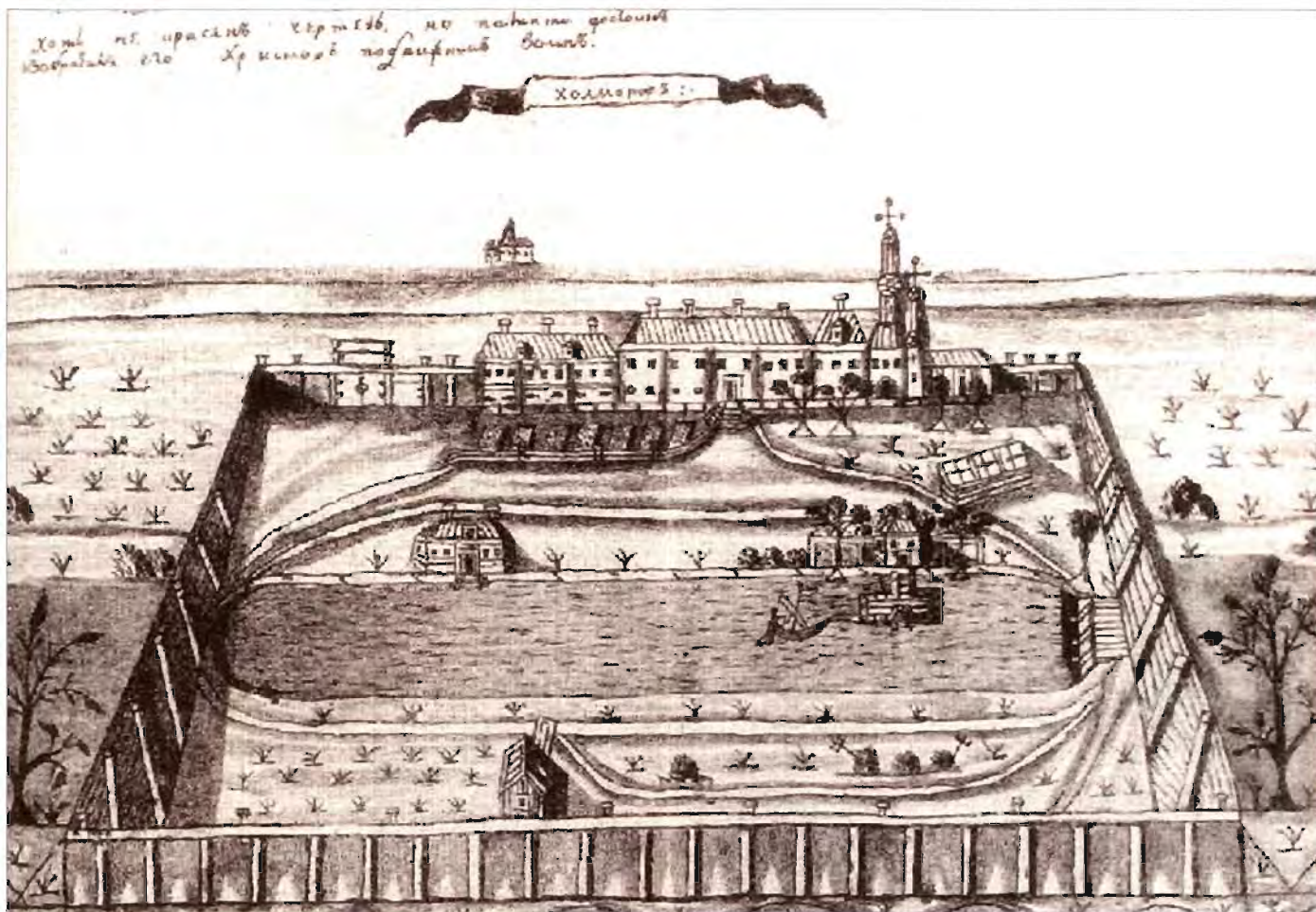
одному — у каждых ворот и один — на валу напротив палисада. На ночь всегда следовало поднимать мосты, а ворота и калитки запирались.

Если в 1730-м из Воронежа для охраны сосланного в Раненбург семейства князя Долгорукого был прислан капитан местного гарнизона, то теперь задача особой государственной важности — обеспечение изоляции бывшего императора и его матери-регентши — была возложена только на верных Елизавете гвардейцев. Конвой в Раненбурге состоял из 264 офицеров и рядовых Конного, Преображенского, Семёновского и Измайловского полков.

В каждой палате, где проживали Иван Антонович и его родители, были печи с изразцами, стеклянные окна (в солдатских казармах и хозяйственных постройках — слюдяные), хорошая мебель. Всё это — наследие прежнего владельца Меншикова. Узникам даже прислали из Петербурга дубовые кресла, обитые бархатом и китайским атласом, стол, складную кровать, дубовое бюро и т. п. Посуда была оловянная и даже серебряная, перевезённая из Риги. Ссыльные не общались ни с кем, кроме караульных. А для большей безопасности известную в округе ярмарку в это время переместили в соседнюю Лебедянь.

В марте Салтыков сдал свои обязанности майору лейб-гвардии Измайловского полка И. В. Гурьеву, дав ему особую инструкцию по содержанию арестантов. После этого вплоть до конца июля история пребывания Брауншвейгского семейства в Раненбурге покрыта мраком тайны вследствие отсутствия документов. Известно лишь, что по просьбе Анны Леопольдовны ей было позволено открывать окна во двор. А её муж просил разрешения играть в шахматы, на что Гурьев писал, что «отдал бы ему свои, но не весьма хорошие...»¹³. Кроме того, майор неоднократно ставил вопрос о заготовке дров ввиду приближающейся осени и леса для починки кровель. Но, похоже, он так и не был решён, поскольку на кону стояла дальнейшая судьба пленников. Перемещение всей опальной фамилии в более отдалённые области было делом времени.

Скрыть местопребывание Брауншвейгского семейства не удалось, содержать здесь долго пленников было опасно, так как Раненбург не был надёжно спрятан от потенциальных заговорщиков и недругов, о которых Елизавете нащёптывали и говорили прямо иностранные дипломаты и придворные советники. Он не был столь глухим и труднодоступным местом, чтобы самодержица могла

спокойно спать, не опасаясь неожиданностей. Иностранцы дипломаты очень скоро выяснили, где находится Брауншвейгское семейство, да и императрица решила не делать из этого секрета. Шетарди доносил в Париж, что семья содержится порознь и охраняется слабо. Этот пробел вскоре исправили. В июле новым местом ссылки был выбран Соловецкий монастырь.

Перевоз пленников поручили надёжному человеку — действительно камергеру барону Н. А. Корфу, жена которого была двоюродной сестрой императрицы. Скорого отъезда из Раненбурга не получилось, и барон три недели готовил дальний вояж. Не было ни достаточного количества продуктов, ни транспортных средств. На кухне не нашли ни «фунта перца», ни рюмки вина. А известных персон уже две недели поили смесью воды и пива. Экипажи, в которых арестованных особ везли из Лифляндии, были разбиты, их было мало, и предназначены они были только для зимней езды. И хотя Елизавету Корф уверял, что людей нашёл «в добром состоянии», но в неофициальном письме к вице-канцлеру М. И. Воронцову приводил пикантные подробности здоровья узников: у Ивана Антоновича понос от «дурного качества

Холмогоры.

питья», а его мать опять беременна. Всё необходимое для поездки в итоге прислали из Москвы.

Гурьев объявил семейству об отъезде лишь накануне, но умолчал о том, куда их повезут. Арестанты встретили эту новость рыданиями и с изъявлением безропотной покорности воле императрицы. Любимая фрейлина Анны Леопольдовны Юлиана Менгден осталась в крепости¹⁴.

Ночью 29 августа 1744 года майор Миллер вместе «с младенцем Григорием», то есть Иваном Антоновичем, выехал из

Раненбурга. Родители были навсегда разлучены с сыном. Следующей ночью отправились на север и они вместе с 22 членами свиты. Дальше была тяжёлая медленная езда по разбитым и размокшим от дождей дорогам в Холмогоры...

«Оранжевый город», история которого началась с весёлого петровского «посвящения», во второй четверти века стал временной тюрьмой для высоких обитателей. Для несчастного императора, правительницы России, двух генералиссимусов и дипломата Раненбург остался местом поманых судеб и карьер, несуществующих планов и надежд.

г. Воронеж

Примечания

1. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2. СПб. 1889. С. 126–128, 464–466.
2. Путешествие через Московию Корнилия де Бруина. М. 1873. С. 122–123.
3. Павленко Н. И. Александр Данилович Меншиков. М. 1989. С. 151.
4. Комолов Н. А. Воронежская губерния в биографии князя А. Д. Меншикова // Из истории Воронежского края. Вып. 14. Воронеж. 2006. С. 47.
5. РГАДА. Ф. 248. Кн. 456. Л. 328–331.
6. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 9. Вып. 1. М. 1950. С. 446–447, 449, 454; Т. 9.

- Вып. 2. М. 1952. С. 1129–1130; Т. 12. Вып. 1. М. 1975. С. 272; Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Т. 2. Кн. 2. СПб. 1883. С. 211–212.
7. Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России. 1719–1728 гг. Л. 1982. С. 92–93, 177.
8. Комолов Н. А. Губернатор Мякинин Алексей Антонович. 1734–1735 // Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. 1710–1917: Историко-биографические очерки. Воронеж. 2000. С. 64–65.
9. ОР РНБ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–6.
10. Сборник Русского исторического общества. Т. 69. СПб. 1889.

- С. 272–273, 281–282, 284, 296–297, 442, 792–793, 798–802, 883–884, 898–899.
11. Корсаков Д. А. Князь С. Г. Долгорукой и его семья в ссылке: Их жизнь в Раненбурге с 1730 по 1735 г. // Исторический вестник. 1880. Март. С. 457–472.
12. Сборник исторических материалов и документов, относящихся к новой русской истории XVIII и XIX века. СПб. 1873. С. 157–160.
13. Левин Л. Российский генералиссимус герцог Антон Ульрих (история «Брауншвейгского семейства» в России). СПб. 2000. С. 130.
14. Корф М. А. Брауншвейгское семейство. М. 1993. С. 94–114.